

Глава первая

В МАСТЕРСКОЙ пахло льняным маслом и лавандой; на холсте блестели мазки желтого сурика. После долгих часов работы шелковый кафтан Овода на портрете был практически доведен до совершенства.

Работать с Оводом было непросто: тяжелее всего было убедить его надевать один и тот же костюм на каждый сеанс. Перед наложением нового слоя масляные краски должны высохнуть, и на это уходят дни; но Овод отказывался понимать, что я не могу просто взять и переделать весь его наряд по ходу работы, если ему в голову вдруг придет что-нибудь более привлекательное. Он был невероятно тщеславен даже по меркам фейри, хотя с тем же успехом можно было назвать пруд «необычайно мокрым» или же медведя — «удивительно мохнатым». Обезоруживающее свойство. Особенно если учитывать, что это создание могло бы уничтожить

меня на месте, даже не изменив своих планов на вечерний чай.

— Мне кажется, на рукавах не хватает вышивки серебряной нитью... — произнес он. — Что думаешь? Ты могла бы ее добавить?

— Разумеется.

— И если бы я выбрал какой-нибудь другой шейный платок...

Мысленно я закатила глаза, но виду, конечно, не показала: губы, как и два с половиной часа назад, по-прежнему растягивала натужная вежливая улыбка. Малейшая грубость могла стать моей последней ошибкой.

— Я могу изменить ваш платок, если мы оставим его приблизительно того же размера. Но тогда мне потребуется еще один сеанс, чтобы закончить.

— Ты просто чудо. Гораздо лучше моего прошлого портретиста — он был тут совсем недавно. Как там его звали? Себастьян Многорезвый? Неприятный тип, от него всегда странновато пахло.

Я не сразу поняла, что Овод имеет в виду Силаса Мэрриуэзера — мастера Ремесла, почившего еще три столетия назад.

— Благодарю вас, — проговорила я, — за столь чуткий комплимент.

— Это так занятно — наблюдать за тем, как Ремесло меняется с течением времени, — продолжил он, едва обратив внимание на мои слова. Гость потянулся к подносу, стоявшему рядом с диваном, и взял с него одно из пирожных, но не сразу от-

правил в рот, а какое-то время с интересом рассматривал его — подобно энтомологу, который вдруг обнаружил жука с головой, растущей задом наперед. — Ты думаешь, что уже повидал достаточно, что род человеческий на большее не способен, но глядь — и появляется какой-нибудь новый метод глазурования керамики или вот эти чудесные маленькие пирожные с начинкой из лимонного заварного крема.

Меня уже не удивляли странные манеры фэйри. Не отводя глаз от его левого рукава, я продолжила накладывать желтоватые мазки, придавая шелку на портрете дополнительный глянцевый блеск. Я, однако, не забыла то время, когда их поведение еще казалось мне непривычным и пугающим. Они двигались иначе, не так, как люди: плавно, точно, с характерной строгостью осанки, идеальные до кончиков пальцев. Они могли не шевелиться и не моргать часами или передвигаться с устрашающей быстротой: ахнуть не успеешь — они уже настигли тебя.

Я откинулась на спинку стула, все еще держа в руке кисть, и окинула взглядом портрет целиком. Почти готово. Вот оно — оцепенелое подобие Овода, такое же неизменное, как и он сам. Причина, по которой прекрасный народец так обожал портреты, оставалась выше моего понимания. Я могла предположить, что это было как-то связано с их тщеславием, а еще с ненасытным желанием окружать себя человеческим Ремеслом. Они не задумывались

о своей юности, потому что не знали ничего иного, и к моменту их смерти, даже если бы она вообще наступила, эти портреты все равно давно бы уже истлели. На вид Оводу было лет тридцать пять. Как и другие фейри, он был высок ростом, статен и красив. Цвет его голубых глаз напоминал кристальную чистоту неба после прохладного дождя в летнюю жару, цвет кожи — бледную безупречность фарфора, а волосы — лучезарное золото капель росы в утреннем свете. Я знаю, что все эти сравнения смехотворны на первый взгляд, но описать прекрасный народец иначе не представляется возможным. Один поэт Каприза, говорят, умер от отчаяния, когда понял, что не способен найти слова для запечатления красоты фейри. Мне кажется гораздо более вероятной другая теория, согласно которой его отравили мышьяком, однако такова легенда.

Необходимо помнить, впрочем, что все это — не более чем внешнее очарование и на самом деле фейри выглядят совершенно иначе. Они талантливые притворщики, но безупречно лгать не умеют. Их чары всегда имеют какой-нибудь изъян. У Овода слабым местом были его пальцы: слишком длинные для нормального человека, со странными непропорциональными суставами. Если кто-нибудь слишком долго рассматривал его руки, он складывал их или вовсе торопливо убирал под салфетку, будто пару пауков, чтобы скрыть от посторонних глаз. Он был очень представительен и относился к манерам более расслабленно, чем другие фейри, которых я знала,

однако паяться на него не стоило, если только у вас, как у меня, например, не было на то уважительной причины.

Наконец Овод съел пирожное. Он проглотил его не жуя, не успела я и глазом моргнуть.

— Думаю, на сегодня мы закончили, — сообщила я. Вытерев кисть о тряпку, я бросила ее в банку с льняным маслом, стоящую рядом с мольбертом. — Не желаете ли взглянуть?

— Стоит ли спрашивать? Изобель, тебе хорошо известно, что я никогда не упущу возможности восхититься твоим Ремеслом.

Доля секунды — и он оказался за моей спиной, заглядывал через плечо. И хотя он держался на почтительном расстоянии, меня все равно окутал его нечеловеческий запах: травяной, зеленый аромат весенних листьев, благоухание сладких диких цветов. И подо всем этим — нечто дикое: нечто, тысячелетиями скитавшееся по лесу, с длинными паучьими пальцами, которые могли раздавить человеческое горло, пока жертва искренне улыбалась бы в ответ.

Мое сердце пропустило удар. «В этом доме я в безопасности», — напомнила я себе.

— Думаю, этот платок все же нравится мне больше всех, — сказал он. — Великолепная работа, как и всегда. Напомни, чем я собирался заплатить тебе за нее?

Я бросила взгляд на его элегантный профиль. Один его локон как будто случайно выбился из го-

лубого банта на затылке. Мне на мгновение стало интересно, зачем Овод выбрал такое несовершенство прически.

— Мы договорились, что вы заколдуете наших кур, — напомнила я. — Каждая из них до конца жизни будет откладывать по шесть хороших яиц в неделю. А еще они доживут до старости и не погибнут из-за несчастного случая.

— Так практично, — вздохнул он, как будто это была трагедия. — Ты — самая почитаемая Ремесленница своих лет. Представь, какими дарами я мог бы осчастливить тебя! Я мог бы превратить все твои слезы в жемчужины. Мог бы подарить тебе удивительную улыбку, дающую возможность похищать мужские сердца, или платье, которое невозможно забыть. А ты просишь какие-то яйца.

— Я люблю яйца, — твердо ответила я, прекрасно понимая, что у чар, которые он описывал, неизбежно возникли бы странные, неприятные или даже смертельные побочные эффекты. И потом, что бы я стала делать с мужскими сердцами? Омлет из них не приготовишь.

— Что ж, хорошо, раз ты настаиваешь. Чары начнут действовать завтра. Засим, боюсь, я вынужден откланяться. Мне еще нужно заказать вышивку.

Стул скрипнул, когда я поднялась на ноги и сделала реверанс. Остановившись в дверях, он ответил мне элегантным поклоном. Как и другие фейри, он ловко притворялся, что эта любезность — его свободный выбор, а не строгое правило, исполнение

которого для него почти так же необходимо, как для людей — дыхание.

— Ах да, — добавил он, выпрямившись, — чуть не забыл. Среди придворных весеннего дворца прошел слухок, что осенний принц собрался нанести тебе визит. Вот это новости! Не могу дождаться вестей о том, просидит ли он смирно весь сеанс или унесется за Дикими Охотниками уже через пару минут после прибытия.

На этот раз мне не удалось сохранить бесстрастное выражение лица. Я разинула рот и вытаращилась на Овода. Его губы растянула озадаченная улыбка; а потом он вытянул в мою сторону руку, как будто пытаюсь определить, не умерла ли я на месте. Не самое необоснованное беспокойство, учитывая, что люди ему, несомненно, казались хрупкими существами, которых жизнь могла покинуть из-за любого пустяка.

— Осенний... — Мой голос прозвучал хрипло; я умолкла и прокашлялась. — Вы уверены? У меня сложилось впечатление, что осенний принц не имеет обыкновения посещать Каприз. Никто не видел его здесь уже сотни... — Слова смешались в моей голове.

— Уверяю тебя, он жив и здоров. Вот только вчера я видел его на балу. Или это было в прошлом месяце? В любом случае он будет здесь завтра. Передай мои наилучшие пожелания.

— Это... это будет для меня честью, — выдавила я, внутренне морщась: такая потеря самооблада-

ния была мне отнюдь не свойственна. Мне срочно был необходим глоток свежего воздуха. Я пересекла комнату и открыла дверь. Проводив Овода, остановилась на пороге, глядя вдаль на поле яровой пшеницы. Его фигурка, удаляющаяся по тропинке, все уменьшалась и наконец пропала.

Облако заслонило солнце, и на мой дом упала тень. Время года в Капризе всегда оставалось неизменным, но, заметив, как с дерева у дороги упал сначала один, а затем и второй лист, я не могла не почувствовать приближение каких-то перемен. И еще не понимала, как относиться к этому — с одобрением или нет.

Глава вторая

— ЗАВТРА! Овод сказал — завтра. Ты знаешь, как они относятся к концепту времени, придуманному смертными. Что, если он объявится на пороге в половине первого ночи и потребует, чтобы я начала работу прямо в ночной рубашке? А в моем лучшем платье прореха, и к тому моменту я не успею ее зашить — придется встречать его в голубом. — Я капнула на руки льняного масла и принялась докрасна тереть пальцы тряпкой. Стирать краску самостоятельно не входило у меня в привычку, однако и работать на феири королевского рода — тоже. Мало ли какая мелочь могла их оскорбить. — А еще у меня осталось мало желтого сурика, так что этим вечером мне придется ехать в город... Вот говно! Прости, Эмма.

Я приподняла полы юбки, спасаясь от воды, растекающейся по полу, и рванулась поднимать упавшее ведро.

— Господи, Изобель, все будет хорошо. Март, — моя тетя опустила очки и прищурилась, — нет, Май, можешь, пожалуйста, помочь сестре вытереть лужу? У нее выдался непростой день.

— Что значит «говно»? — робко осведомилась Май, прыгая у моих ног с тряпкой.

— Это слово, которое ты говоришь, если случайно опрокидываешь ведро с водой, — уклончиво заявила я. Правда стала бы для нее слишком опасным источником вдохновения. — Где Март?

Губы Май растянула беззубая улыбка.

— На шкафу.

— Март! Слезай со шкафа!

— Но ей там весело, Изобель, — сказала Май, случайно плеснув водой мне на туфли.

— Ей не будет весело, если она свернет себе шею, — ответила я.

Март соскочила со шкафа с восторженным бляением, столкнула на пол стул и поскакала по комнате, направляясь к нам. Я подняла руки, чтобы в случае чего остановить ее, но она бежала не ко мне, а к Май, которая как раз поднялась на ноги. Они оглушительно стукнулись лбами и зашатались по комнате в состоянии легкого сотрясения. Я вздохнула. Мы с Эммой пытались отучить их от этой привычки.

Мои сестры-двойняшки были не совсем людьми. При рождении это была пара козлят, пока один перебравший вина феяри не решил превратить их ради забавы. Прогресс шел медленно, но все-таки

шел. Еще год назад они вовсе не были приучены к жизни в доме. Им повезло, что чары сделали их практически бессмертными: Март, например, однажды сгрызла разбитый горшок, древесину ядовитого дуба, ягоды белладонны и нескольких незаданных саламандр и не испытала ни малейшего недомогания. По правде сказать, ее лазанье по шкафам представляло куда большую опасность для кухонной мебели, чем для нее самой.

— Изобель, подойди-ка на минутку, — прервал мои размышления голос тети. Она подождала, пока я повинуюсь, глядя на меня поверх очков, а потом взяла мою руку, чтобы оттереть пятно, которое я не заметила. — Ты отлично справишься завтра, — твердо сказала тетя. — Я уверена, что осенний принц не сильно-то отличается от остальных фейри. И даже если отличается, помни: в этом доме ты в безопасности. — Она крепко сжала мою ладонь обеими руками. — Помни о том, что ты для нас заработала.

Я сжала ее руки в ответ. Возможно, сейчас я правда заслуживала того, чтобы со мной говорили как с маленькой. Постаравшись не звучать испуганно, я ответила:

— Просто не знаю, чего ожидать. И мне это не нравится.

— Не знаешь. Но ты готова к этому лучше, чем кто бы то ни было во всем Капризе. Мы знаем это, и фейри тоже знают. Вчера на рынке я подслушала чей-то разговор: люди думают, что такими темпами тебе прямая дорога к Зеленому Колодцу...

Я в ужасе отдернула руку.

— Это не так, конечно. Я знаю, что ты ни за что не выберешь этот путь. Просто хочу сказать, что если фейри кто-то из людей и кажется незаменимым, то это ты. И это дорогого стоит. Завтра все будет хорошо.

Я медленно выдохнула и пригладила юбки.

— Наверное, ты права, — произнесла я, хотя ее слова не особо меня убедили. — Мне нужно идти, если хочу вернуться до темноты. Март, Май, постарайтесь не свести Эмму с ума за то время, пока меня не будет. Я надеюсь увидеть эту кухню в идеальном состоянии, когда приду домой.

Я смерила многозначительным взглядом перевернутый стул.

— Ну, по крайней мере мы не изговняли тут весь пол! — заорала мне вслед Май.

Когда я была маленькой, каждое путешествие в город казалось мне незабываемым приключением. Сейчас я не могла дождаться, когда смогу отсюда уйти. В желудке что-то переворачивалось всякий раз, когда кто-то проходил по улице мимо окна лавки.

— Только желтый сурик? — спросил мальчик, стоявший за прилавком и аккуратно заворачивавший кусок мела в оберточную бумагу. Финеас устроился сюда на работу всего несколько недель назад, но уже научился очень точно угадывать мои привычки.

— Пожалуй, я все-таки возьму еще кусок «зеленой земли» и два — киновари. О! И весь ваш уголь, пожалуйста.

Наблюдая за тем, как он собирает мой заказ, я в отчаянии размышляла о том, сколько работы еще предстояло переделать сегодня вечером. Нужно было истолочь и смешать все пигменты, выбрать палитру, растянуть новый холст. Скорее всего, на завтрашней сессии успею лишь закончить скетч портрета принца, но я не могу вынести даже мысли о том, что не буду готова ко всему.

Финеас куда-то пропал, и я выглянула из окна. Стекло было покрыто толстым слоем пыли, и само местонахождение магазинчика — на углу между двумя более высокими зданиями — придавало ему атмосферу местечка мрачного, ветхого, куда мало кто заходит. Ни единого заклинания, чтобы осветить лампы, или оповестить хозяина об открывшейся двери, или очистить углы от пыли. Представителям прекрасного народца не было дела до этой лавки. Материалы, которые использовали в своей работе Ремесленники, нисколько не интересовали их. Внимание фейри могли привлечь только законченные продукты.

У остальных заведений на этой улице судьба выдалась более завидная. Юбки мелькнули и исчезли в дверях магазина «Фирт и Мейстер», и одного взгляда было достаточно, чтобы узнать в этой женщине фейри. Смертные не могли позволить себе расшитые шелковые платья, которые там продава-

лись. Люди не покупали товары и в соседней кондитерской, вывеска на двери которой обещала клиентам марципановые цветы. Эти редкие сладости готовили из миндаля, доставляемого из Запредельного Мира с большим трудом и по огромной цене. За Ремесло подобного калибра можно было расплатиться заклинаниями — и только заклинаниями.

Когда Финеас наконец перестал ползать под стойкой и распрямился, я заметила в его глазах знакомый блеск. «Знакомый», впрочем, было еще слабо сказано. Я ждала и боялась этого выражения. Финеас робко смахнул прядь волос со лба, и мое сердце екнуло. «Пожалуйста, — взмолилась я мысленно, — только не начинай».

— Мисс Изобель, вас не затруднит взглянуть на мое Ремесло? Я знаю, мне до вас далеко, — добавил он поспешно, изо всех сил стараясь сохранить самообладание, — но мастер Хартфорд поощрял мои старания — именно поэтому он и взял меня к себе, — и все эти годы я много практиковался.

Он прижимал картину к груди, стеснительно скрывая ее переднюю часть, как будто страшился показать не холст, а собственную душу. Мне очень хорошо было знакомо такое чувство, и от этого предстоящая процедура оценки творчества не становилась легче.

— Я буду рада, — был мой ответ. По крайней мере, фальшивая улыбка удавалась мне просто — в силу богатого опыта в этой области.

Он протянул мне картину, и я перевернула раму. Тусклому освещению магазина открылся пейзаж. Меня захлестнуло чувство облегчения. Слава богу, не портрет. Должно быть, это прозвучит ужасно высокомерно, но мое Ремесло ценилось настолько высоко, что прекрасный народец заказывал работы мне и только мне, и это положение вещей вполне могло сохраниться до самой моей смерти — вернее, до того момента, когда фейри поняли бы, что я скончалась (на это им, возможно, потребовалось бы еще несколько десятилетий). Я с отчаянием ждала, что на пике моей славы меня вдруг превзойдет какой-нибудь новый многообещающий талант. Возможно, у Финеаса были на это шансы.

— Очень хорошая работа, — честно сказала я, возвращая картину. — У тебя отличное чувство цвета и композиции. Продолжай тренироваться. Но даже сейчас, — я немного помедлила, — у тебя может получиться продавать свое Ремесло.

Его щеки порозовели, и он как будто стал выше ростом. Облегчение, которое я на мгновение почувствовала, испарилось. Следующая часть обычно была еще хуже. Финеас задал именно тот вопрос, какой я от него ожидала:

— Не могли бы вы... может быть, вы могли бы порекомендовать меня одному из своих покровителей, мисс?

Я рассеянно перевела взгляд к окну. В глаза мне бросилась фигура миссис Фирт: стоя в витрине своего магазина, она прикрепляла к манекену новое